

Георг Шустер

**Тайные общества, союзы и
ордена. Часть 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г36

Г36 **Георг Шустер**
Тайные общества, союзы и ордена. Часть 1 / Георг Шустер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-458-24431-2

"Предлагая вниманию русских читателей книгу Шустера, я хочу сказать несколько слов о ее значении. Дело в том, что автор начинает свою историю тайных союзов несколько издаleка, с изложения древних цивилизаций, на лоне которых впервые обнаружилось присущее человечеству стремление объединяться на почве совместного изучения тайны Влечение к таинственному, стремление к тайным союзам религиозного, нравственного, политического характера: вот что связывает человечество на всех ступенях его развития, начиная с обществ дикарей, суеверно взирающих на своего знахаря, и до наших дней Что же касается научного значения его книги, то автор обладает колоссальной эрудицией в области средневековой и новейшей истории тайных обществ. Он доводит ее до наших дней, пользуясь громаднейшей печатной и рукописной литературой. В этом смысле всеобъемлемости и компетентности труд Шустера превосходит, насколько мне известно, все, что по этой части появилось до сих пор " Профессор А. Л. Погодин 6 марта 1905 года. Из оглавления 1 тома: 1. Египтяне. 2. Вавилония и Ассирия. 3. Иранцы. 4. Инду-сы. 5. Греция. 6. Кельты. 7. Палестина 1. Ислам. 2. Орден Тамплиеров. 3. Тайные судилища. 4. Общества каменщиков 1. Крестьянские заговоры. 2. Староверческие общины и переkreщенцы. 3. Иезуиты. 4. Академии натуро-философов.

ISBN 978-5-458-24431-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

далеко не легокъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шустеръ любитъ выражаться нѣсколько вычурно, и переводчица, г-жа О. Волькенштейнъ, и я потрудились не мало: будучи нѣ всегда легкимъ въ смыслѣ слога, онъ во всякомъ случаѣ вѣренъ.

Профессоръ *А. Л. Погодинъ*.

6 марта 1905 года.
Варшава.

ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА,
СОЮЗЫ и ОРДЕНА

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цѣли и приемы. Мы встречаемъ такіе союзы въ самыхъ различныхъ формахъ у дикихъ первобытныхъ народовъ, въ глубокой древности, въ мрачные средніе вѣка, а также и въ болѣе свѣтлые дни, которые явились на сѣну этой суровой, безотрадной эпохи.

Изъ древнихъ временъ намъ извѣстны тайныя общества египетскихъ и индійскихъ жрецовъ, пифагорейцевъ и орфиковъ, различные греческія и римскія мистеріи, іудейскіе ессеяне и кельтскіе друиды.

Въ средніе вѣка мы встречаемъ общество плотниковъ и каменщиковъ, извѣстное подъ именемъ *Bauhütte*; отсюда впоследствии возникло общество свободныхъ каменщиковъ—масоновъ; далѣе мы находимъ въ средніе вѣка орденъ тамплиеровъ, тайныя судилища, каланды *, братства Вольфганга (*Wolfgangsbroserschaften*) и вальденцевъ, анабаптистовъ и іезуитовъ. Въ новыя и новѣйшія времена привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе розенкрейцеры, илаюминаты и рыцари солнца, карбонаріи, секта друзовъ и дервиши, сицилійскіе маффіозы, греческія гетеріи, ирландскіе феніи, *Oidfellows* **, масоны и друиды.

Насколько возможно судить на основаніи дошедшихъ до насъ, частью весьма скудныхъ, преданій и свѣдѣній объ этихъ тайныхъ обществахъ, они представляли собою или замкнутые кружки людей, возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ своими дарованіями и высокими стремленіями, или служили во времена невзгодъ и гоненій вѣрнымъ хранилищемъ высшихъ духовныхъ сокровищъ, религіи и философіи, а также политическихъ идей.

Въ общемъ, почти все они служили одной и той же высокой цѣли: просвѣщенію и облагороженію ближняго, освобожденію порабошеннаго человечества отъ духовнаго, политическаго и социальнаго гнета. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ цѣли нерѣдко бывали довольно туманны и даже безнравственны, что подъ густымъ покровомъ таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленныя головы лишь по дѣтски забавлялись громкими фразами, безодержательными обрѣдами и символами. Извѣстно также и то, что нерѣдко

* Тайное общество взаимопомощи.—Прим. перев.

** Нѣчто въ родѣ ремесленныхъ обществъ.—Прим. перев.

завѣдомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшаго разбора основывали такія общества или же втирались въ существующіе союзы, чтобы пользоваться имп для своихъ личныхъ, низменныхъ цѣлей.

Въ такихъ случаяхъ духовные плеве́лы быстро заглушали хорошіе всходы и приводили къ полной гибели общества, если не вызвали энергическаго противо́дѣйствія, которое ставило предѣлы ихъ преступнымъ стремленіямъ. Отличительною чертою тайныхъ обществъ является стремленіе громаднаго большинства ихъ, при своемъ возникновеніи и въ своемъ развитіи, представить собою необходимое дополненіе къ политической, религиозной и соціальной жизни общества, которое они хотѣли просвѣтить и исправить своимъ безкорыстнымъ трудомъ и самоотверженною дѣятельностью. Въмѣстѣ съ тѣмъ выясняется также и то обстоятельство, что первыми основателями и руководителями такихъ обществъ были исключительно духовныя лица, представители разныхъ религій. Какъ у древнихъ цивилизованныхъ народовъ, такъ и въ позднѣйшую христіанскую эпоху они проявляли неутомимую дѣятельность въ этомъ направленіи, а въ жалкомъ существованіи дикихъ первобытныхъ народовъ играли въ этомъ смыслѣ весьма значительную, если не важнѣйшую роль.

Такое явленіе для того времени весьма необычайно. Оно получаетъ, однако, весьма простое объясненіе, если принять во вниманіе его тѣсную зависимость отъ возникновенія и развитія религіознаго самосознанія.

Изъ вѣсѣхъ нравственныхъ идей, которыя когда либо существовали, существуютъ и будутъ существовать на свѣтѣ, религіозная идея отличается наибольшею устойчивостью и могущественною длительностью. Ея таинственная власть, непрестанно жѣняясь, господствуетъ надъ человѣческимъ сердцемъ, надъ нравственностью народно́й массы; эта идея руководитъ наукой, искусствомъ и поэзіей, вѣсѣмъ ходомъ міровой жизни, историческими путями чело́вѣчества.

Много вѣковъ подъ рядъ чело́вѣчество мучительно работало надъ уясненіемъ религіозной проблемы, но до сихъ поръ еще не проникло въ сущность ея и вмѣстѣ съ тѣмъ не разрѣшило загадки бытія. Философія религій, теологическое и антропологическое міровоззрѣніе и скептицизмъ, Іовъ, Аристотель и Софоклъ, Цицеронъ, Августинъ и Фирдуси, Шекспиръ, Кальдеронъ, Вольтеръ и Шопенгауэръ,—всѣ они работали надъ расширеніемъ этой проблемы. Но имъ удалось установить лишь одно основное положеніе: чело́вѣкъ не можетъ отречься отъ идеи Бога,—все равно, стоитъ ли онъ на низшей ступени первобытнаго состоянія, или же на вершинѣ цивилизаціи, «чело́вѣкъ неизбежно долженъ проникнуться идеей божества, онъ не можетъ отречься отъ нея, какъ не можетъ освободиться отъ собственной совѣсти»^{*}. Гений также не можетъ быть чуждымъ религіознаго чувства. Какъ сильна въ немъ пскреннія религіоз-

^{*} Этнографія не знаетъ чело́вѣческихъ обществъ, не имѣющихъ религій. „Полное отсутствіе религіозности“, говоритъ Ратцель, „есть слѣдствіе отупляющаго вліянія сверхъ-культуры, но никогда не является слѣдствіемъ первобытной некультуры“.

ность, доказавъ Гёте, написавъ свою превосходную оду «Границы человечества».

Религіозное чувство въ человѣческомъ обществѣ пробуждается значительно раньше, чѣмъ люди начинаютъ различать добро и зло.

Конечно, у первобытныхъ народовъ не существуетъ той ясности, какую мы наблюдаемъ у іудеевъ, христіанъ и магометанъ. Во всей ихъ духовной жизни нѣтъ единства, нѣтъ опредѣленной системы. Первобытный человѣкъ повсюду вокругъ себя видитъ властные проявленія силъ природы, которыя вызываютъ въ немъ тягостное ощущеніе собственнаго ничтожества и сознаніе своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющей его враждебной силой, которая со всѣхъ сторонъ безчисленными препятствіями стѣсняетъ и ограничиваетъ его волю. И въ непрерывной борьбѣ съ этимъ грознымъ врагомъ онъ не успѣваетъ разобраться во внутренней сущности его. Ужасающіе его громы и молніи, утреннія и вечернія зори, страшная сила бушующихъ урагановъ, пламя вулкановъ, видимое на громадномъ разстояніи, возмущенныя бурей, кипящія волны океана—все это поражаетъ его умъ и наполняетъ его страхомъ и ужасомъ; съ другой стороны, видъ звѣзднаго неба, согревающіе лучи солнца, сіяніе луны и звѣзды производятъ на него глубочайшее впечатлѣніе своимъ величественнымъ спокойствіемъ и правильной смѣной явленій. Даже безбрежная морская гладь, безграничная степь, таинственная тишина первобытнаго лѣса, шелестъ деревьевъ, тихій плескъ источниковъ, уходящія въ облака снѣжныя вершины горъ расширяютъ кругозоръ первобытнаго человѣка, этого исполненнаго предрасудковъ «существа человѣческаго рода»; они пробуждаютъ и привлекаютъ къ себѣ его вниманіе.

Великія явленія природы пробуждаютъ въ человѣческомъ духѣ глубокую потребность доискиваться причины каждаго явленія, каждаго событія, причемъ у первобытныхъ народовъ проявляется сильная склонность до известной степени одицетворять всѣ силы природы. Неправильное примѣненіе закона причинности приводитъ затѣмъ къ тому, что человѣкъ ставитъ себя въ такую зависимость отъ созданныхъ имъ воображеніемъ признаковъ, что не въ состояніи уже отъ нихъ отрѣшиться. Если же предметы внѣшняго міра представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бѣдствій, истинная причина которыхъ скрывается отъ умственного взора человѣка. Вслѣдствіе этого въ глубинахъ человѣческаго ума возникаетъ смутное предчувствіе, что ему удастся современемъ сдѣлаться господиномъ природы. Человѣкъ предается безумной мечтѣ, будто онъ въ состояніи уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вліяніе таковыхъ силъ природы. Поэтому онъ прибѣгаетъ къ известнымъ приемамъ, знакамъ, изреченіямъ, которые уже проявили свою силу,—наивный самообманъ, не чуждый въ болѣе утонченномъ видѣ даже самымъ высокимъ умамъ.

Такіе моменты въ жизни народовъ обозначаютъ начало религіознаго поклоненія; эти начала, подобно, напр., идѣ жертвоприношенія, неразлучно сопутствуютъ историческому развитію религіозной мысли. «Идея жертвоприношенія выражается въ различныхъ дѣяніяхъ; она заставляетъ брамин-

скаго Іоги бросаться подъ колесницу Джагерната, она руководить финикійскою матерью, которая кидаетъ свое дитя на раскаленные руки Молоха; она заставляетъ грека приносить гекатомбу въ жертву Зевсу. Эта же идея внушаетъ буддисту желаніе положить цвѣты къ ногамъ статуи своего пророка, побуждаетъ весталку, монахиню и дѣву солнца дать клятву въ вѣчномъ цѣломудріи, а мусульманина—во славу своего Аллаха убивать глуповъ; она учитъ христіанъ уничтожать альбигойское населеніе цѣлыхъ городовъ; создаетъ инквизиціонные суды, которые предпринимаютъ массовыя сожженія «вѣдьмъ», и руководить благочестивымъ паломникомъ, который на колѣняхъ взбирается по ступенямъ собора Петра и Павла. Все это различными выраженіями одной и той же идеи жертвоприношенія» *.

Объектомъ религіи въ ея первобытной и грубой формѣ является все, что привлекаетъ къ себѣ взоры человѣка, стоящаго на уровнѣ анимизма: цвѣты, камни, раковины, перья, живыя существа.

Изъ неодушевленныхъ предметовъ особенное поклоненіе вызывали повсюду камни. Метеоры, падавшіе на землю въ раскаленномъ видѣ, легко возбуждали въ людяхъ благоговѣніе къ себѣ. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, безспорно, является, напр., камень въ Виноземѣ, освященный, согласно библейскому сказанію, Іаковомъ, который на немъ отдыхалъ; черный камень въ Каабѣ, въ Меккѣ, и тотъ, который замурованъ въ мечети Омара въ Іерусалимѣ. Еще въ XI вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ англійская церковь должна была строгими эдиктами бороться съ продолжавшимся культомъ камней.

Еще въ большей степени распространено было повсюду поклоненіе деревьямъ. Деревья и цѣлыя рощи обоготворялись, какъ божества или какъ обиталища боговъ,—культъ, распространенный въ особенности среди первобытныхъ германцевъ. Въ древней Греціи велѣнія боговъ распознавались въ шелестѣ священнаго дуба въ Додонѣ и въ журчаніи священнаго источника, протекавшаго у его основанія. Чьи чувства могли бороться съ очарованіемъ шелеста листьевъ, грознаго шума, поднимаемаго бурей, когда стонали вѣтви и ломались цѣлые сучья? Фантазія первобытнаго человѣка охотно рисовала себѣ такой бушующій лѣсъ въ образѣ одушевленнаго предмета.

Какъ мы уже сказали, вода, въ особенности источники, почиталась, какъ нѣчто божественное. Такъ, текушія воды считались у древнихъ персовъ настолько священными, что они страшились чѣмъ нибудь запятнать ихъ чистоту.

Кто желалъ совершить особенно благочестивое дѣяніе, тотъ строилъ мосты черезъ рѣки и ручьи, чтобы такимъ образомъ предотвратить прохожденіе ихъ въ бродъ. Когда персидскій царь Ксерксъ, отправляясь въ 480 г. до Рождества Христова въ Грецію, дошелъ до Геллеспонта и увидѣлъ, что построенный черезъ него понтонный мостъ разрушенъ ураганомъ, онъ приказалъ высузъ волны плетями,—наказаніе, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

* Joh. Scherr. Geschichte der Religion. Leipzig 1857.

Поклоненіе животнымъ — тоже весьма древняго происхожденія, въ особенности культъ змѣй, который еще и въ наши дни процвѣтаетъ въ Индіи и въ могущественномъ негритянскомъ государствѣ — Дагомеѣ, о которомъ въ послѣднее время такъ часто говорятъ. Мы знаемъ, что и Моисей однажды не устоялъ передъ искушеніемъ воздвигнуть мѣдное изображеніе змѣи, которое считалось народной святыней и впоследствии хранилось наряду съ ковчегомъ заветъ и другими сокровищами въ іерусалимскомъ храмѣ, откуда лишь много вѣковъ спустя изгналъ его богобоязненный Іезекія.

Но мыслящій народъ не можетъ долго оставаться на такой низкой ступени культуры. Чѣмъ шире развивается разумъ человека, тѣмъ больше онъ сознаетъ себя свободнымъ существомъ, дѣйствующимъ по собственному усмотрѣнію и по собственной волѣ, тѣмъ болѣе онъ постепенно удаляется отъ поклоненія явленіямъ природы и предметамъ животного и растительнаго царства; человекъ узнаетъ по опыту, что такіе объекты его поклоненія часто дѣлаются жертвами другихъ силъ, воздѣйствію которыхъ они подвергаются. Слѣдовательно, должны существовать еще другіе боги, обладающіе высшею властью. Понявъ это, люди обратили свои взоры къ солнцу и къ вѣчнымъ звѣздамъ, къ тому, что превыше всего, что недоступно человеческой рукѣ; имъ казалось, что въ нихъ они познали невѣдомаго творца и средоточіе тѣхъ силъ природы, которыя уже нельзя видѣть, но можно лишь уразумѣть по тому воздѣйствію, которое онѣ оказываютъ на природу. Поклоненіе силъ, а, слѣдовательно, явленію, уже недоступному чувственному познанію; могло, однако, развиваться лишь у тѣхъ людей, которые уже достигли извѣстной умственной зрѣлости. Такими явились прежде всего земледѣльцы, такъ какъ развитіе высшей культуры возможно лишь съ наступленіемъ земледѣльческаго строя и связаннаго съ нимъ осѣдлаго образа жизни.

Для темныхъ народныхъ массъ, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорическаго культа природы. Отвлеченныя представленія понимались дословно, невидимое принимало образъ и форму, облекалось въ плоть и кровь. Развивалась мифологія.

«Имя прилагательное, опредѣлявшее силу явленія, превращалось въ собственное имя божества; имя, въ свою очередь, создавало представленіе о существѣ, которое сейчасъ же относилось къ женскому или мужскому полу, смотря по грамматическому роду вошедшаго въ употребленіе названія, и пробужденное воображеніе продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный романъ» *.

Культъ солнца уже переставалъ удовлетворять; вскорѣ стали возникать сомнѣнія въ томъ, что дневное свѣтило является первой причиной всѣхъ вещей, такъ какъ развитіе и ростъ всего существующаго продолжается и ночью.

Явилось поклоненіе безконечному, вѣчно движущемуся небу и плодотворной землѣ. Небо, мощное и величественное, которое повелѣвало вѣ-

* Peschel. Völkerkunde. (Bearbeitet von Alfred Kirchhoff). Лейпцигъ 1835.—Въ образованіи мифовъ большую роль играли языки, которые различаютъ грамматическій родъ, какъ арійскіе и семитическіе.

трами и облаками, громами и молніями, люди представляли себѣ существомъ мужского рода въ противоположность женственной, создающей въ тиши, воспріимлющей землѣ. Изъ союза ихъ произошла цѣлая рядъ боговъ, и каждому изъ нихъ, въ свою очередь, была приписана особая генеалогія. Такимъ образомъ возникли сперва семьи боговъ и затѣмъ цѣлая покаянія ихъ; во главѣ этихъ послѣднихъ былъ поставленъ такой богъ, который казался самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ силъ природы.

Но безграничная народная фантазія не удовлетворилась этимъ. Она дошла наконецъ до полного воплощенія въ человеческомъ образѣ первоначально божественныхъ существъ. Антропоморфическій богъ получалъ новую человеческую генеалогію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, превратившись въ героя, переходилъ въ область легендарной поэзіи.

Когда воображеніе придавало божествамъ воплотѣ человеческія черты, создавшіеся мифы сдѣлались вдохновителями искусства. Поэзія, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красокъ, звуковъ, рѣза и молотка воплотить идею божества въ человеческомъ образѣ. Тамъ, гдѣ внѣшнее воплощеніе религіозной идеи достигло высшей степени совершенства, ея внутреннее содержаніе немедленно отступало на задній планъ. Изображеніе бога само дѣлалось божествомъ. Люди хотѣли видѣть своего бога, говорить съ нимъ. Какъ произведеніе искусства, онъ становится уже собственностью общины. Ему строятъ храмы, окружаютъ его символами и ритуаломъ, и фетишъ готовъ. Негръ, который грубо и безвкусно дѣлаетъ себѣ фетиша изъ чурбана, и Фидій, рѣзку котораго принадлежатъ Зевсъ, одинаково хотѣли олицетворить своего бога.

Громадное значеніе въ созданіи и развитіи религіи играли, конечно, жрецы. Сперва обязанности жреца возлагались на старѣйшаго въ родѣ, но по мѣрѣ того какъ жизненный строй принимаетъ болѣеую устойчивость, званіе жреца становится наследственнымъ, и наконецъ складывается отдѣльное сословіе или каста жрецовъ. Когда же складывался жреческий классъ, религія выигрывала въ своемъ развитіи, благодаря ихъ спекулятивной дѣятельности, направленной какъ на догму, такъ и на культъ.

Между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени первоначальное ядро божественнаго и героическаго эпоса, олицетвореніе силъ природы изглаживалось изъ памяти потомковъ; между тѣмъ какъ вымыслы его начали принимать задѣйствительность, — среди касты жрецовъ сохранился истинный смыслъ древнихъ мифовъ, который и превратился въ болѣе высокое теологическое ученіе, доступное только посвященнымъ. Тайнственность, которою окружали себя служители храмовъ, въ значительной степени усиливала то почтеніе и уваженіе, съ какимъ относился къ нимъ народъ, и обезпечивала ихъ сословію прямое вліяніе на всѣ общественныя и частныя дѣла. Давно уже извѣдано, что только таинственныя и загадочныя вещи, особенно если онѣ окружены соответствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются въ состояніи произвести прочное впечатлѣніе на неразсуждающую толпу.

Поэтому у всѣхъ древнихъ культурныхъ народовъ, у египтянъ, персовъ, индусовъ, евреевъ, грековъ и римлянъ — мы находимъ тайныя обще-